

Наталья Алексина

РАБОТА ДЛЯ ВЕДЬМАКА
ДРУГАЯ ИСТОРИЯ ПРИНЦЕССЫ

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Наталья Алексина

Другая история принцессы

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2021
 ARMA
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
А48

Серия основана в 2011 году
Выпуск 663

Художник
Л. Клепакова

Алексина Н.

А48 Другая история принцессы: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2021. — 281 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-3350-6

Дракон повержен. Великий воин северных равнин Ярвин спас прекрасную принцессу Эйслинг... Теперь историю их любви пересказывают менестрели в каждой таверне королевства. Люди счастливы, и только Эйслинг думает, что дракон ей нравится больше собственного мужа-спасителя. Осталось только решить: стоит ли бежать или остаться с варваром.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Наталья Алексина, 2021
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2021

ISBN 978-5-9922-3350-6

ГЛАВА 1

Рассвет только занимался, когда по замку прокатилось эхо ударов тарана. Эйслинг подбежала к высокому узкому окну и замерла. Отсюда, из единственной пригодной для жизни спальни, виднелась полуразрушенная стена и тяжелые ворота. Позолота давно стерлась с заклепок и раскрывших пасть львов. Вместо блеска появилась копоть, а воздух у парадного въезда навсегда пропитался гарью.

Но ворота стояли.

Бум!

— Когда рыцари научатся пользоваться дырами в стенах и прекратят ломать ворота? — пробормотала Варна.

— Когда пойдет дождь из золота, — ответила Эйслинг.

— По меньшей мере, — согласилась женщина.

По обыкновению, Варна лишь качнула седой головой, но так и не оторвала взгляда от вышивания. Ни отдельно взятый рыцарь, ни целая армия не могли потревожить ее ледяного спокойствия. Она вздрагивала только от рыка дракона.

Сейчас Варна, как всегда, сидела с пальцами и иглой. Сосредоточенное лицо женщины освещали холодные рассветные лучи, делая ее похожей на фарфоровую куклу. Если бы кто-то, конечно, догадался делать кукол не кокетливыми девочками, а пожилыми леди.

Бум!

— Им легче снести ворота, чем карабкаться по завалам. — Эйслинг тяжело вздохнула, будто ей вчера стукнуло девяносто, а не девятнадцать. — Ты не хуже меня знаешь, что рыцарь в полном доспехе похож на неповоротливого борова.

— Да. И не стоит забывать, что этот боров желает въезжать на коне.

На тонких губах Эйслинг промелькнула улыбка.

Ее нянька, экономка и единственная подруга умела держать себя в руках. Эйслинг обычно не могла похвастаться тем же. Когда в Замок-на-скале пробивался новый рыцарь, она кружила по спальне. Ее свободная юбка от резких поворотов закручивалась вокруг ног, а длинные волосы летели, будто их раздувал ветер. Варна в этот момент цокала языком:

— Ни одна женщина не должна ходить с распущенными волосами. Даже если живет с драконом, — говорила она.

Так они встречали рыцарей уже второй год. Но не сегодня. Обычное для Эйслинг желание ходить по комнате сменилось спокойной злостью. Кто опять посмел тревожить покой их замка и дракона?

Если бы Эйслинг сейчас поднялась на третий этаж, а затем еще чуть выше, к серым зубцам замка, то, возможно, увидела бы того, кто стоял за воротами. Но подниматься просто так она не любила. Там жил дракон, и он часто крошил зубчатые стены хвостом, особенно когда выползал из глубины и взлетал.

Хотя место замковых лучников подошло бы для наблюдения лучше спальни. Оттуда четко просматривались ближние холмы, обычно бархатно-зеленые и яркие до рези в глазах. На них выделялась каждая точка. Правда, сейчас склоны отдавали желтизной и серостью, как и в любую другую зиму, поэтому силуэты воинов наверня-

ка слились с мокрой землей. Но рассмотреть армию смог бы любой.

Только Эйслинг сидела на месте. Очутиться наверху, когда дракона разбудят глупые рыцари? Нет уж.

В самом начале, когда родной отец — король Дайра без сожалений отправил ее сюда, она смотрела на любого всадника как на спасителя. И при появлении рыцаря вспоминала слова короля: «Если дождешься обручального браслета, значит, я простил», — и молилась.

В те мгновения войны представлялись ей романтическими героями, способными вызволить прекрасную девушку из плена. Но через неделю от этих грез не осталось и следа.

Поначалу рыцари сменяли друг друга каждый день. Семь мужчин, семь надежд и семь дней нескончаемых слез. Они гибли, даже не поднявшись в логово дракона. Только тогда Эйслинг вспомнила, что король не умел прощать.

Это, может быть, даже к лучшему. Потому что сейчас браслет для нее равносителен смерти.

Бум! Бум!

— Жаль, у нас нет привратника, который мог бы открыть. Или, на худой конец, показать, как войти через дыру с северной стороны, — с раздражением сказала Варна. — От этих звуков болит голова.

Женщина лукавила, эхо не мешало даже разговору. Да и к воротам давно уже никто не приезжал, чтобы жаловаться. Не меньше полугода прошло с тех пор, как последний рыцарь явился спасти прекрасную принцессу.

Эйслинг все чаще думала: а сколько мужчин приезжало ради других девушек, тех, что не были принцессами?

Дракон поселился в сердце Хилбора в Замке-на-скале еще во времена правления прошлого короля. С тех пор к

дверям замка каждый год, а бывало и чаще приводили девушку в жертву дракону. Этого хватало ненадолго. Спустя месяц-другой после исчезновения очередной красавицы дракон принимался крушить окрестности и объедать крестьян. Когда люди отчаивались, то опять отправляли девушку. Так местные жители выторговывали себе на время покой.

Земли вокруг замка пустели, люди уезжали все дальше, но дракон летел за ними. К их стадам и пастбищам. И только пока в его замке гостила, а правильнее сказать, умирала девушка, ящер оставался спокоен.

Конечно, сначала король отправил сотню воинов, чтобы истребить «демона». Потом тысячу... А когда ни один не вернулся, велел разнести весть о драконе по всей Ресландии. С тех пор на край королевства забредали лишь рыцари в поисках славы.

С появлением Эйслинг не было отбоя от желающих победить дракона и получить целую провинцию, а вместе с ней и руку принцессы. Но с каждой новой смертью спасители приходили все реже.

Бум!

Эйслинг вздрогнула и тут же прижалась к холодному окну.

На воротах треснул запор. Впервые она видела, как тяжелое бревно разломилось и, падая, сбilo несколько камней полуразрушенной стены. Обычно запор лишь соскакивал с неудачно привинченных крючьев.

Загрохотали потревоженные булыжники, раздался глухой стон древесины, заскрипел металл. И от этого протяжного скрежетания по спине пополз холодок.

А ворота дрогнули и начали раскрываться. За пылью ничего не было видно. Хотя не составляло труда представить человека в броне с маленькой армией. В одиночку на дракона ходили лишь глупцы.

Но постепенно в мареве проступили фигуры. Какие-то непривычные. Слишком легкие и без лошадей.

Ладони Эйслинг, прижатые к гладкому каменному подоконнику, похолодели. Девушка смотрела вниз и все больше хмурилась. Она наблюдала за тем, как оседает пыль, с какой-то странной сосредоточенностью.

Маревое рассеялось, и ее взору предстали воины. Они не были рыцарями. Ни нагрудников, ни шлемов — ни одной железной пластины... Эти мужчины оказались наполовину раздетыми. Их тела украшала и закрывала большую часть оголенного торса вязь из каких-то знаков. Длинные волосы неизвестных воинов были забраны в косы и хвосты. А на безбородых лицах четко выделялись дикарские полосы.

Мужчины бежали вперед, прикрываясь лишь легкими деревянными щитами. Мощные фигуры скрылись из виду очень быстро, и Эйслинг знала: совсем скоро они будут здесь.

— Их всего пятеро, — заметила она.

— Помню, ты говорила, что первый рыцарь пришел один, — невозмутимо ответила Варна.

«И сразу стал пеплом», — мысленно добавила Эйслинг и чуть повернула голову, чтобы посмотреть на спокойное лицо своей компаньонки... подруги.

Она не знала, как сказать Варне, что у них проблемы. Как сказать женщине, которая уехала из родного края из-за бесчинств диких северных кланов, что ее враги идут в замок?

От тяжелого вздоха изо рта Эйслинг вылетело облачко пара, которое тут же растаяло.

— Это не рыцари, — проговорила она. — Это варвары.

Варна вздрогнула и подняла лицо от вышивания. Ее серые и, несмотря на возраст, ясные глаза выдавали испуг. Чего на памяти Эйслинг не случалось никогда.

— Пятеро? Дракон и не заметит, — сказала наконец Варна и дрогнувшей рукой воткнула иглу в вышивку. Она поднялась. — Но нам лучше уйти.

— Дракон второй день спит... — заметила Эйслинг, не в силах отойти от холодного окна.

Ей хотелось еще раз увидеть варваров и понять, не ошиблась ли она. Хотя давно следовало бежать к дальним комнатам, где много лет назад завалило вход. Две худые женщины протиснулись бы через пыль и крошево, затаились бы... Там их не найдет ни один воин, уцелевший в башне дракона.

Но число пришедших мужчин смутило Эйслинг. Пять варваров — это ничто в сравнении с войсками, которые прибывали истребить дракона.

— И лучше уйти в город, — вдруг сказала Варна, которая не любила покидать замок. — В прошлый раз мы чудом не попали на глаза ошалевшим воинам. Спрячемся в городе или за холмами и будем молиться, чтобы дракон проснулся.

— Нам ничего не грозило. От страха те воины были как безумные. Даже не заметили, что мы прошли мимо. Спрячемся там, где обычно пережидаем гнев дракона. — Эйслинг протянула Варне руку. — А вечером выйдем и посмотрим. К тому времени ворота снова закроются, как раньше. И нас никто не потревожит.

Да, магия ворот их ни разу не подводила. Вечером они неизменно запирались. Правда, еще не ломался запор, но Эйслинг верила, что и это исправится.

— В тот раз нам повезло. — Варна неровным шагом пересекла комнату и открыла дверь в гардеробную. — Лучше сразу идти за холмы. Там мы встретим местных, может быть, отряд Корна.

— Дракон разозлится, если меня не будет...

— Мы вернемся, как только уедут варвары. — Варна трясущимися руками вынула плащи, подбитые мехом.

— Лучше спрятаться и переждать, как всегда, — повторила Эйслинг. — Нас ни разу так и не нашли, хотя пытались.

— Они не рыцари. Варвары пришли не для того, чтобы тебя спасти, — проговорила Варна. — И они не будут бежать в страхе. Пока дракон займется одним воином, остальные расползутся по замку в поисках золота. Или они просто не пойдут в башню к дракону... Варвары — это не пугливые феодалы с мечами, они дикари. И если они найдут нас... Вряд ли кому-то нужна живая принцесса и ее подруга, когда рядом шелка и золото.

— Здесь давно нет шелков, — напомнила Эйслинг. Но видела, что Варна ее не слышала.

— Ты понимаешь, о чем я. Надо бежать.

Эйслинг думала иначе. Рано или поздно варвары уйдут, им нечего делать в разграбленном замке. Они уйдут или умрут. Дракон никогда не проигрывал.

Стены замка дрогнули от короткого и сильного рева.

— Он проснулся, — улыбнулась Варна и тут же чуть не упала на пол.

Замок затрясся, как живой и раненый зверь. Дракон действительно проснулся и был зол. Вот теперь нельзя мешкать. Эйслинг бросилась к своей няньке.

— Прячемся!

Снова воздух разорвал грозный рык.

Какой бы сдержанной Варна ни была, но она так и не привыкла к дракону. Строгая и уравновешенная леди только делала вид, что не боится. Вот и сейчас Варна не шевелясь замерла с прямой спиной. Эйслинг сжала руку застывшей женщины.

Стоило бы в очередной раз сказать, что опасаться сытого «чудовища» не нужно.

С драконом просто «договориться»... если не бояться. Намного проще, чем с рыцарями. Но Варна бы не услышала.

Пол дрогнул, а затем раздался хриплый вой. И это был не дракон.

Варна зашептала молитву и сжала в кулаках плащи. Еще немного — и она все с той же прямой спиной и каменным лицом осела бы на пол. Такое часто случалось в первое время, когда женщина только появилась в Замке-на-скале.

Эйслинг забрала теплые плащи и обняла ее за плечи. Рядом с высокой Варной принцесса выглядела как девочка. Но вперед шла по-королевски уверенно и вела компаньонку к тяжелым дверям.

Рев снова сотряс воздух, и с потолка посыпалась каменная пыль, как последнее предупреждение, что пора прятаться.

От рыка всегда дрожали все стены, как сейчас. Замок-на-скале не имел отдельных зданий, и башня дракона оставалась тоже его частью. Залы и комнаты когда-то наполовину вырубил в скале, и все помещения соединялись множеством ходов. А башня на северной стороне, так красиво нависающая над обрывом, была иллюзией. Казалось, будто внутри у нее винтовая лестница, а на самом верху небольшая круглая оранжерея...

Но вместо узкой башни всех ждал огромный зал, где слышалось эхо даже от шороха. Целый чертог с захватывающим дух видом на далекое море и выходом на крышу. И только со стороны фасада полукруглая и остроконечная башня казалась чем-то отдельным. Будто она не соединялась с соседним залом с высокими узкими окнами.

Пол задрожал сильнее. Толчки и тряска бросали женщин из стороны в сторону. Но они крепче взялись за руки и пошли быстрее.

Сейчас Эйслинг отчетливо представляла, как дракон бьет хвостом и по всему замку подрагивают стены. Ящер всегда так показывал недовольство.

Наверное, ему было тесно даже в огромном зале и поэтому часто что-то рушилось.

Дракон по-своему любил это место. Отсюда он взмывал в воздух или полыхал огнем, когда ему надоедало рычать на скучных людишек. Ящер укрывался в глубине зала от непогоды и грелся на солнце под голубым небом.

Стены снова сотряслись.

— Варна, быстрее. Он разозлился.

— Надо уходить, а не прятаться! Это варвары, ты не знаешь, на что они способны.

Пол дрогнул, а с потолка с треском рухнула балка. Эйслинг и Варна закашлялись от пыли и какое-то время боязливо жались друг к другу. Но следующий рык привел их в чувство.

Балка придавила край платья принцессы. Ей едва удалось выдернуть ткань, как рядом грохнулся камень. Дорога к месту, где они обычно пережидали гнев дракона, оказалась закрыта.

— Что ж... Идем в город, — сказала девушка, но Варна не ответила.

Она побелела и, кажется, с трудом шевелилась. Эйслинг отряхнула порванный подол. Ее руки тоже подрагивали, но кому-то нужно было оставаться сильной, и принцесса потащила Варну вперед. Под рык и тряску они кое-как добрались до парадного зала. Им осталось пройти к боковой двери, которой обычно пользовалась прислуга. «А потом бежать так быстро и так далеко, как сможем. Пока еще можем», — мелькнуло в голове Эйслинг.

Если не варвары, то их увидит злой дракон. И бегущая из замка принцесса ему точно не понравится.

В пустом зале быстрые шаги сопровождало тревожное эхо, которое тут же заглушил яростный рев.

Замок затрясло сильнее, а в воздухе появился запах гари. От следующего рыка заложило уши и тряхнуло так, как никогда еще не случалось на памяти Эйслинг. Дракон сходил с ума.

Варна вдруг остановилась и грозно топнула ногой.

— Да почему он их никак не съест?!

Скупая на эмоции женщина держалась из последних сил. Эйслинг постаралась ей улыбнуться, хотя тоже боялась.

Вдруг загрохотало. Варна вскрикнула и сжалась. Где-то совсем близко посыпались камни, все вокруг задрожало и заскрипело. Замок трясло все сильнее, и женщины чуть не падали. Пол вздрогнул, будто шевельнулся, и где-то послышался глухой и тяжелый удар. Еще немного — и даже Эйслинг не выдержала бы и потащила Варну к выходу. Но все затихло. Ударил последний крохотный камешек, и наступила тревожная тишина.

Стены мелко дрожали, с потолка летела пыль. В этом чувствовалось что-то неправильное, такого прежде не случалось, даже когда дракон бил хвостом.

Эйслинг отпустила свою няньку и осторожно подошла к окну.

— Почему он никак их не съест? Ну почему? Почему? — шептала Варна за спиной.

Через окно Эйслинг увидела чешуйчатую тушу, которая загораживала половину двора.

— Потому что не может...

Окровавленный дракон дергался всем телом. И в такт ему подрагивала земля. Из ноздрей кольцами поднимался легкий дым, а глаза то распахивались, то закрывались. Без сомнений, он умирал. Вскоре дым прекратил улетать ввысь, и веки дракона дрогнули в последний раз. Уста-

новилась страшная тишина. В ней не слышалось привычных шорохов старого замка, и даже крошево больше не сыпалось на голову.

Эйслинг смотрела широко открытыми глазами и не могла поверить. Сколько ему было лет? Не меньше сотни. Сколько людей пыталось его убить? Тысячи! А он умер только сейчас, вот здесь, перед ней.

Где-то вдалеке послышался то ли крик, то ли вой, и Эйслинг встрепенулась. Дракон-то мертв, но варвары живы! Девушка резко выдохнула и крикнула:

— Бежим!

Она обернулась и не обнаружила Варны. Сердце успело пуститься вскачь прежде, чем Эйслинг нашла глазами женщину. Та шла по стенке в сторону боковой двери. Плащ съехал с ее плеч и теперь одиноко валялся точно посередине зала.

— Варна, стой! — Принцесса на бегу подхватила плащ и бросилась к женщине.

— Надо уходить, — сказала та. — Нам нужно только отсидеться. Они уберутся, а мы вернемся.

— Надо идти через парадные двери. — Эйслинг схватила Варну за руку и заглянула ей в глаза.

— Варвары не должны видеть, как мы бежим. Они презирают трусов. Выйдем тихо, через кухню.

— На улице лежит дракон. Мы никак не выйдем через кухню.

— Тогда через задний двор, пока они ищут золото...

— Нет, Варна. Золота нет, их ничто не задержит.

— Как?

— Всего один сундук. Тот, с рубинами на крышке. Я не знаю, что внутри. Дракону нравилось с ним спать.

— Сокровищ нет...

Кажется, Варна начала что-то понимать и еще сильнее побледнела. Ее руки тряслись, и сейчас она казалась

слишком старой для любых переживаний. Даже короткий побег мог быть ей не по силам.

Эйслинг снова накинула на плечи Варны плащ.

У них оставался шанс убежать. Варварам еще нужно обыскать логово дракона, спуститься по лестнице, пробраться через завал у боковой двери.

В голове Эйслинг мелькали мысли, а руки уже тянули Варну к центру зала. Еще шаг, еще один. Они как раз миновали середину, когда распахнулись створки парадной двери. Двое покрытых рисунками мужчин сделали несколько тяжелых шагов и остановились. Женщины тоже замерли.

«Так быстро? Нет-нет! Там же обвалилась стена!» Эйслинг охватила паника. Она вцепилась в Варну и почувствовала дрожь, которая била компаньонку. До выхода им никак не добежать и назад не вернуться...

А варвары оглядели женщин и двинулись к ним. Мягко, как хищники.

И с каждым их осторожным шагом Эйслинг чувствовала, как внутри все сжимается. Как язык прилипает к нёбу и сохнут губы и как подкатывает тошнота.

«Не закрывать глаза!» — приказала она себе. Принцесса рассматривала мощных дикарей, сильнее обнимала Варну и понимала, что им не спастись.

Варвары остановились перед ними. На их разрисованных телах кровоточили раны. Оба тяжело дышали, но не собирались падать замертво.

Они переглянулись, и один из них пожал плечами, а вот другой заговорил. Да не просто, а на ресляндском, безбожно рыча и проглатывая звуки.

— Принцесса Эслиг? — спросил он.

Привычное имя угадывалось с трудом, и Эйслинг отрицательно мотнула головой.

Варвары опять переглянулись. Мужчина, что был ниже ростом, вновь пожал плечами. А другой вздохнул как-то безнадежно и вдруг упал на колени. Эйслинг вздрогнула и отступила на шаг.

Варвар склонил голову и положил к ее ногам окровавленный меч.

— Принцесса Эслиг, я восхищен твоим мужеством. Ты прожила с чудовищем два года, — заговорил он, не поднимая головы. — Но все закончилось. Дракон повержен... И теперь я хочу жениться на самой храброй девушке Ресляндии.

Варвар поднял лицо. За дикарскими широкими полосоми и кровью угадывались лишь пугающе ясные голубые глаза.

«Кто он? Зачем ему это?.. Что происходит?» — Мысли Эйслинг суматошно металась и никак не желали проясняться.

Она бы, наверное, еще долго в ужасе перебирала вопросы, но варвар вдруг поднялся. И с высоты своего роста снова принялся изучать женщин. Он молчал и осматривал Эйслинг так, будто сомневался, что перед ним принцесса. Простая одежда, распущенные волосы, и только плащ с мехом еще мог подтвердить, что она не простолюдинка.

Варвар тяжело вздохнул и протянул раскрытую ладонь. Что еще сильнее сбивало с толку.

Почему они не нападают? Почему так спокойны и даже будто грустны? Варвары не могут быть спасителями. Они не рыцари!

В какой-то момент мужчине надоело ждать, и он отодрал руку Эйслинг от Варны. Нянька попыталась что-то сказать. Но другой варвар отодвинул ее в сторону, без какой-либо грубости, просто чтобы не мешала. Варна зажала рот рукой.

Эйслинг совершенно ничего не понимала. Только смотрела, как первый варвар вынул из-за пояса широкий браслет из непонятого камня серого цвета.

И по позвоночнику медленно пополз холод.

Сложно не вспомнить тот единственный предмет, который предназначался женщинам, а не мужчинам королевского рода Ресляндии. Обручальный браслет надевали нареченной за несколько дней до свадьбы и оставляли на руке до рождения первенца. А хранился он в королевской сокровищнице.

— Ты видел короля? — спросила Эйслинг. Она была уверена, что выкрасть такую магическую вещь не по силам никому. Ее могли только добровольно отдать. И это значило, что король знает этих дикарей.

Варвар промолчал.

— Ты видел короля Дайру? — повторила вопрос Эйслинг. — Это он тебе вручил браслет? Он дал свое позволение?

Варвар снова не ответил, только сжал зубы на слове «позволение». Он быстро оголил запястье Эйслинг и нацепил на ее руку браслет.

— Нет! Сними!

Она дернула браслет, но он сел намертво. В голове стучало от ужаса, в груди не хватало воздуха.

Браслет начал краснеть, признавая королевскую кровь.

— Нет, боже, нет! Снимай! — закричала Эйслинг.

А варвар вдруг растерял всю свою печаль и, словно не веря, с какой-то искренней улыбкой наблюдал за тем, как краснеет браслет. Другой варвар облегченно рассмеялся.

— Ты зря кричишь, принцесса, — заговорил первый варвар и перехватил руку Эйслинг с браслетом. — У нас будет счастливая жизнь, посмотри — он покраснел.

— Это, значит, он признал кровь. Это не связано со счастьем!

Она что же, теперь невеста варвара? И что делать? Эйслинг снова дернула браслет. Ее не могли так просто привязать к варвару! Король не мог такое одобрить.

Хотя он как раз мог. Сначала дракон, теперь варвар, дальше... Дальше ничего не будет, если она останется здесь.

В жены к варвару, говорите? И зачем ему это? Нет. Эйслинг сжала губы и с отчаянием дернула браслет еще раз. Ей не выбраться отсюда, пока варвар его не снимет. Или пока он не умрет... Не уйти даже за холмы, ее догонят. Боже, она теперь привязана к дикарю!

— Завтра свадьба, — проговорил варвар. — Сегодня на закате мы проводим погибших братьев по дороге душ. А завтра сыграем свадьбу.

Он произносил слова, но, кажется, был уже далеко. Его глаза задумчиво перемещались с одной стены на другую. А Эйслинг снова дернула браслет. Сидел намертво. Она с трудом скрывала дрожь, но твердо решила держаться как принцесса.

— И как же зовут моего будущего мужа?

От убийственного взгляда варвара внутри все перевернулось.

— Я уже назвался, Эслиг, — медленно ответил он. — Ярвин Лагмар, ярган Северного острова.

Эйслинг старательно начала перебирать все знакомые ей острова. Южные, Зеленые... Острова отвлекали от леденящей мысли, что ее жизнь теперь связана с варваром. Тело дикаря, покрытое рисунками, нависало над ней. И стоило огромных трудов не пятиться.

— Такого острова нет, — вдруг тихонько сказала Варна.

— Больше нет, — согласился варвар. — Но пятнадцать зим назад был.

Эйслинг бросила взгляд на Варну. Она боялась, но нашла в себе силы отвлечь внимание варваров от фигуры своей подопечной. Варна держалась, и эта мысль приободрила девушку.

— Когда-то на нашей земле проснулся Кулуг. Сначала был только дым, но позже землю поглотила лава, а за ней захлестнула вода, — холодно пояснил Ярвин Лагмар. — Лишь часть моего народа спаслась. Мы долго скитались.

В словах варвара слышалась боль, но Эйслинг думала лишь о том, что хочет убежать. Если король одобрил варвара, ничем хорошим это не закончится.

Она вдруг поняла, что могла бы смириться с дикарями. Если бы они не были такими подготовленными. Если бы они приехали просто победить дракона, если бы не привезли этот браслет. Если бы король не благословил их... Король слишком жесток.

— Завтра, когда мы поженимся, эта земля станет моей и моего народа. Наше путешествие наконец-то закончится. И мы вспомним, каким великим был народ Северного острова.

Варвар еще что-то говорил, а Эйслинг пыталась успокоиться, чтобы не закричать от бессилия.

Как ей поступить? Она не сможет убежать, браслет не пустит дальше холмов. Во всяком случае, мать говорила о подобном. Королева не могла быть вдали от мужа, если на ее руке оставался браслет.

У нее нет больше дракона, который прогонял любых «женихов»... А если король явится и увидит Эйслинг, то ее ждет смерть. Дайра ясно дал понять, что она ему не нужна. Что же теперь делать?

«Уже ничего не сделаешь», — прозвучало в голове, и руки плетью упали вдоль тела.

Ярвин Лагмар сказал, что представит ее своему народу, а Эйслинг кивнула. И сама не поняла, с чем согласилась, но пошла за ним.

Двор напоминал руины. Кругом валялись камни и палки, а чуть в стороне лежало тело дракона. Его чешуя больше не блестела, теперь ее окутывал дым. И кругом по-прежнему стоял запах гари.

Рядом с драконом вдруг показалась полупрозрачная морда огромного барса. Эйслинг не вздрогнула только чудом. Голова зверя была величиной с львиную. Где-то за спиной взвизгнула Варна, а барс будто стал четче и целиком вышел из-за тела мертвого дракона. Он смотрел в глаза Эйслинг, и его взгляд пробирал до костей.

Вдруг варвар тихо застонал, будто его ударили, а барс дернул ушами и начал исчезать. Вот он был рядом с драконом — а спустя мгновение его уже нет.

Эйслинг об этом читала. Ярганы, как короли, могли призывать призрачные сущности. Но видеть такое не приходилось. Дайра никогда не призывал при ней львов. Возможно, к лучшему. Его она и так боялась безо всяких зверей.

Ярвин протянул руку Эйслинг. Она смотрела на измазанные в крови пальцы и убеждала себя, что это лишь рука. Почти дружеский жест. Впрочем, если бы он имел другое значение, вряд ли она могла бы не принять. Ничего не оставалось, кроме как вложить в его ладонь свою. Бежать все равно некуда.

ГЛАВА 2

Раньше они не устраивали таких праздников. Среди шума дразнились свирели, но за громогласной песней их затейливые переливы еле слышались. Прорывались барабаны, но и их затапывал стук сапог. Не свадьба, а пир в честь богов! Хотя, возможно, в этот вечер все слилось в

одно. Народ радовался не принцессе и победе над драконом, а дому. Новым землям, которые вчера стали их.

Ярвин пьянел от этого веселья. Великому воину северной гряды хотелось вступить в круг и забыться вместе со всеми. И танцевать, пока есть силы, на *своей* земле. Ему бы не помешали и раны, которые до сих пор кровоточили под белой рубахой.

Но сегодня был его день. Как обычно в «его день», Ярвину следовало сидеть во главе стола и смеяться, но не подниматься с места. Показывать, что он со всеми, но чуть выше других.

По мнению его людей, у яргана не было ни одной причины для недовольства. Его развлекали! А сегодня рядом еще сидела прекрасная принцесса. Теперь его жена.

У каждого народа свои понятия о прекрасном, думал Ярвин и считал себя обманутым. Принцесса, чью красоту славили от севера до юга Ресляндии, оказалась обычной. Худенькая, невзрачная, с зачесанными наверх по местным правилам волосами какого-то медового оттенка. Им будто не доставало яркости, как и самой принцессе. И даже воспетые менестрелями небесные глаза в жизни были карими.

Развлечением такую компанию он тоже не считал. Его жена за весь вечер сказала два слова. В другое время Ярвин об этом бы не думал, просто радовался своей победе. Но без танцев, дружеского хохота и льющей рекой выпивки все казалось пресным. Он все время вспоминал, что в этом же зале они недавно провожали друзей дорогой душ. Дракон забрал трех лучших воинов.

Вот если бы он мог пойти в круг...

Ярвин посмотрел на бледную Эйслинг. Еще вчера, когда он ее увидел здесь же, посреди огромного и полутемного зала, ему показалось, в принцессе что-то есть. Она ощущалась сильной и хрупкой одновременно, даже

была по-своему интересной, когда ярган ее увидел. А сейчас рядом сидела пустая серая оболочка.

Ярвин подлил меда в их кубки.

Им надо быстрее привыкнуть друг к другу. Вместе жить и думать о наследнике. В Ресляндии только так отстаивались права — с помощью детей.

Нужен ребенок королевских кровей — это шепнули Ярвину при дворе короля Дайры. Он провел там не больше дня, но многое узнал. О том, что браслет подтверждает законность брака и зачатых наследников. И что он меняет цвет, а это важно.

Там же ему объяснили: если Ярвин хочет себе земли, то должен поторопиться. Желаящие есть, особенно без ящера в замке. Поэтому дракон и принцесса — это мелочи, а вот наследник — нет.

Ярвин в один глоток допил мед и вздохнул.

Про себя он давно решил, что брак нужно скрепить сразу. Иначе Дайра подумает, что его дочь мертва, если не увидит вспышку в своих камнях, и все — ни земли, ни жизни.

В кругу танцующих засвистели. Мужчины отбежали, чтобы дать место Тире.

Да, такую красотку любой увидит издали. Недоумок Ирви ущипнул девушку за попу, но тут же получил оплеуху. Ярвин бы и сам ему поддал, жалко, далеко сидел.

Тира взмахнула белыми руками, переступила ножками в тесных штанах и высоко прыгнула. Ее золотые косы взметнулись и оплели стройное тело словно змеи. Глаза Тиры блестели, на щеках горел румянец. Не девушка, а сама жизнь.

Ярвин против воли сравнил ее с Эйслинг. Серость лица принцессы пугала. Даже мед не разогнал ее кровь, хотя кубок опустел. Ярвин подлил еще. Он надеялся, что

выпивка хоть немного развеселит принцессу. Пора бы уже.

Эйслинг взяла бокал, не отводя глаз от плясок, и тут же опустошила. Ее, похоже, убивала мысль, что она стала женой яргана, а не принца или рыцаря. Их же она ждала.

Ярвин со стуком поставил кубок на стол. Ладно, он не рыцарь, но почему Эйслинг ни разу не поблагодарила за спасение?

Внутренний голос нашептывал: принцесса просто обезумела от жизни с драконом. Но она же говорила осознанно. Сложно поверить, что девушка не в себе.

— Хочешь потанцевать? — крикнул он, перекрывая песню и свист. Одно маленькое отступление от положенного «сидения» никого не удивит. Если они пойдут в круг оба.

Принцесса вздрогнула и впервые за вечер посмотрела ему в глаза. Ни капли страха. В этом она отличалась от других ресляндок, те его боялись, а эта — нет.

Эйслинг, подумав, отрицательно качнула головой. Массивные серьги едва шевельнулись, и он снова видел только по-королевски холодный остроносый профиль.

Ярвин еще раз посмотрел на жену и тоже отвернулся. Обычно, если девушка сидела с ним, она слушала его и глаза ее горели не от браги. И в постель та шла по собственной воле, с улыбкой. Он был ярганом, воином северной гряды! Победы привели в его постель не одну красавицу.

И вот сидит девушка — тень нормальной женщины, ни фигуры, ни лица. Но она сидит рядом с ним и не замечает. На ее глазах он убил дракона, а она...

«Что еще нужно этой принцессе?» — раздраженно думал Ярвин.

В другое время он бы даже не посмотрел на Эйслинг. Он бы знал, что к нему придет красивая женщина. Сильная, лучшая. Только такая может сама выбирать, к кому идти в ночь праздников или побед. Вечер стал бы ярким и горячим. Да, утром бы девушка ускользнула, с ним не оставались надолго. Но она пришла бы сама.

Мед в кубке показался безвкусным.

Он давно заметил, что с тех пор, как призвал барсов, его сила стала давить на людей. Кто-то этого не замечал, как Уна или Гундриг, кто-то с трудом, но терпел, как Гелат. Другие старались убрать подальше свои шатры от его стоянки. И так повелось, что женщины сами выбирали, идти к нему или нет. Не все могли выдержать ночь рядом с ним. Но смелые и красивые сами приходили. Только сегодня его уже не выберут.

Этой ночью он будет либо один, либо с принцессой.

На ресляндке вновь качнулись серьги, Эйслинг посмотрела в дальний конец зала. Туда, где стояла седовласая женщина, которая тоже жила в замке. Ярвин не придал этому значения. Он рассматривал традиционные серьги Северного острова, которые сам подарил Эйслинг, и радость от завоевания новых земель куда-то пропадала. Как и предвкушение ночи с принцессой.

Эти серьги не для нее. Такое украшение не подходит к серому лицу ресляндки. Оплетенные зелеными нитями полумесяцы и мелкие голубые самоцветы сливались с ее кожей.

— Почему ты не разрешил посадить Варну с нами? — спросила Эйслинг, когда стихла песня.

— В наш день мы должны сидеть только вдвоем, — ответил Ярвин и подумал, что с радостью поменялся бы местами с той Варной.

Он понял, что сегодня ему надоело всё: сидеть с принцессой, улыбаться, пить. Хотя мед все равно не выпускал из рук, мало ли, вдруг поможет.

— Но она стоит одна, у стены. Это неправильно, дорогой мне человек не может находиться так далеко и в таком месте, — заявила Эйслинг. — Я ее приведу.

Ярвин взял принцессу за руку, прежде чем она поднялась.

— Нет, не сегодня. Если ты ее приведешь, мой народ посчитает это оскорблением. Здесь — мы, там — они. — Ярвин посмотрел в темные глаза принцессы, надеясь, что она его поняла. — Таков обычай.

— Но она стоит у стены! Это место трусов и врагов — всем известно.

— Своих врагов я никогда бы не пригласил на свадьбу. И если я знаю своего врага в лицо, он обычно мертв. И трусов здесь нет, как и предателей, — ответил Ярвин.

Вот уж удивительно, насколько глупые обычаи у реляндцев. Приглашают своих врагов на свадьбу. По сравнению с этим традиционная северная коса, от которой стягивало голову, казалась мелочью.

Для Ярвина не было проблемы в том, что кто-то стоит. Он бы сам встал или потанцевал, пусть и с принцессой. Но вместо танцев его жена заговорила о какой-то Варне! Этот вечер его доконает.

— Моя сестра предлагала ей сесть. — Ярвин вдруг припомнил странный момент, когда седовласая женщина отшатнулась от места за столом с его воинами.

— Вы напали на ее дом и вырезали семью. По-твоему, она могла сесть за один стол с людьми, которые убили ее мужа? — Глаза Эйслинг блеснули.

— Она видела именно моих воинов? — Он прищурился.

— Варна говорила о людях северного клана.

— Мы с Северного острова. Не путай нас и дикарей со скал.

— Ты же себя называешь воином северной гряды, — бросила Эйслинг.

— Называю, потому что на северной гряде я впервые призвал барсов и спас свой народ.

Ярвина злила эта недалекость и то, что в Ресляндии их почему-то считали дикарями с гор. Их сравнивали почти с животными!

— Ее надо посадить с нами, — вновь сказала принцесса. Она опять качнула головой, и серьги красиво сверкнули, что сильнее разозлило Ярвина.

Единственное украшение невесты сделала его старшая сестра. Уна была сильной колдуньей и создала настоящий оберег. Серьги сохраняли здоровье, помогали мыслить яснее и должны были делать девушку чуть красивее.

«Столько труда, и все псу под хвост», — подумал ярган, вспомнив, что за серьги принцесса тоже не сказала спасибо, как и за свое спасение.

— Сейчас я встану, и ты можешь ее позвать. Но не думай, что после этого кто-то из моих людей будет тебя уважать.

— Встанешь? Разве ты не должен сидеть весь вечер здесь? — спокойно уточнила принцесса.

— После первых слов имею право выйти.

Чуть не добавил «по нужде», но вместо этого поднялся с кубком в руках. Раны отозвались болью, и улыбка Ярвина превратилась в оскал. От испуга, мелькнувшего на лице принцессы, почему-то стало еще хуже.

Постепенно гул голосов перешел в шорох. Воины тоже брали кубки. Те, кто танцевал, плюхались на лавки и пьяными глазами преданно смотрели на своего вождя.

— Мы с вами сделали невозможное! — Ярвин обвел взглядом людей. — Мы прошли через полмира, чтобы найти себе новый дом. И вот мы здесь! В краю гор, елей и яркого солнца. Мы спасли людей этой земли, отвоевали им мирную жизнь у чудовища и теперь по праву находимся в этом замке.

В зале одобрительно загудели.

— Мы освободили землю от дракона и получили новый дом!

— Кто-то еще получил принцессу! — крикнул Гундриг, и Ярвин улыбнулся.

— Кто убил дракона, тот и получил принцессу! — прорвались сквозь хохот возгласы, а Ярвин еще шире улыбнулся.

— Знаешь, Гундриг, в этих краях ходит поверье: если поцеловать лягушку — она станет принцессой. Все в твоих руках.

— У кого-нибудь есть лягушка? — крикнул развеселившийся Гундриг. Послышались смешки.

— Оглядишься, друг. И поцелуй просто того, кто рядом, — решил закончить всеобщее веселье Ярвин, перейти к главному и наконец-то выйти из зала.

— Ярвин, рядом со мной сидит Гелат, — заорал радостный Гундриг.

— Целуй! И Гелат превратится в принцессу! — закричали со всех сторон. Ярвин не выдержал и тоже засмеялся. С его людей станется, они и не такое устроят.

Гелат огладил внушительную бороду, поднялся с лавки и глумливо вытянул губы.

Когда хохот стих, Ярвин выше поднял кубок.

— Друзья, теперь это наша земля. Нам ее защищать и любить, сеять и убирать. Здесь мы построим новую жизнь и вспомним то, что забыли, пока скитались по миру... Теперь мы дома.

Воины вскочили с мест и радостно закричали. Лишь старики остались на лавках. Те, кто еще помнил, как выглядел их Северный остров с горячими озерами. Те, кто знал, какой была жизнь до начала скитаний. И при слове «дом» старики спрятали лица в кружках и часто-часто заморгали.

Медовуха приятно согрела горло, и Ярвин от души улыбнулся. Воины все еще смотрели на своего яргана и чего-то ждали. Все посматривали на принцессу, а за дальними столами опять запели «Великую свадьбу». Ярвин выругался про себя, наклонился и поцеловал Эйслинг в губы. А та хоть бы улыбнулась.

Традиции требовали, чтобы и дальше молодые сидели за столом. Но Ярвин понял, что не выдержит, и сам пошел к Уне. Оставался один короткий ритуал, ради которого молодые поднимались из-за стола. Сегодня, правда, такой ритуал пройдет лишь он один. Ресляндцы не верили в их богов и потому не заслуживали такой чести.

После благословения хранителей, ритуального умывания в «волшебной воде» их с женой отправят в спальню...

Лучше сразу отделаться, считал Ярвин. Король Дайра дал понять, что, пока браслет не станет черным, — он не узнает, что свадьба состоялась. Значит, и земля до того момента не принадлежит им.

Ресляндцы очень любили все усложнять, из-за этого радость меркла. «Скитания закончились, новый дом найден, а радость убегает, как пугливая мышь», — пришла в голову яргана грустная мысль.

День, когда случайный менестрель остановился у их яркого костра и рассказал о драконе, навсегда остался в памяти Ярвина. Те слова о награде за победу над чудовищем он слышал даже во сне. С ума сойти, целая провин-

ция за одну победу! Казалось, это шутка. Тогда он почему-то пропустил момент, что нужно не просто победить дракона, а еще жениться на принцессе. После Уна долго растолковывала, что без чистокровной принцессы победа не будет значить ничего.

— Ты слишком торопишься, — сказала сестра, как только он подошел к ней. — Еще не наступила полночь.

— Не могу больше.

Уна поджала губы, но вышла на свежий воздух вслед за братом.

Ярвин остановился у порога и с удовольствием вдохнул прохладный, пусть и пропахший дымом, но как будто сладкий воздух. В этом краю вечера казались другими. Он это понял задолго до того, как они прибыли к замку. Их лагерь располагался выше в горах, но и там и здесь воздух звенел от чистоты.

— Ты ушел, но твоя жена как-то держится. — Уна недовольно толкнула его вперед. — Хотя ей тоже сложно.

— Что я слышу? Ты кого-то жалеешь? Я считал, ты давно забыла, что такое жалость.

— Я никого не жалею, — ответила она. — Тем более твою хитрую реслянку. Я говорю, что ты стал слаб. Твоя жена сильнее. И это плохо.

Ярвин запнулся о камень и остановился.

— Ты уже разобралась что к чему, я смотрю, — после заминки ответил он. — Она обычная принцесса, и все. Я не заметил хитрости.

— Только хитрая женщина могла бы прожить с драконом два года. До нее никто так не мог. — Уна поманила Ярвина дальше, но не в сторону колодца, где должен был состояться ритуал, а к конюшне. Вполне целой и с новыми, еще не покрашенными дверями. Среди общего запустения это выглядело странно.

— Смотри, — сказала Уна и открыла конюшню.

Ярвин уже понял, к чему вела его сестра, но заглянул внутрь. В конюшне стояло две лошади, в стороне висела сбруя и лежали седла.

— Как, по-твоему, девушка, которая в страхе живет с драконом, могла бы ухаживать за этими лошадьми, купить седла?..

— Поменять двери, — добавил Ярвин и тяжело вздохнул.

А он еще думал, что самое сложное — победить дракона.

— Я с ней поговорю, узнаю, зачем ей лошади. И как ей удалось выжить.

— Поговори, но не надейся на честность. — Уна закрыла дверь в конюшню. — Ресляндцы говорят не то, что думают. И твоя жена особенно.

— Ты ее не знаешь. — «Как и я», мог бы добавить Ярвин, но промолчал. Он сам не понял, почему вдруг начал ее защищать.

— Но знаю *о ней*. — Уна повернула обратно, быстро прошла по двору и остановилась у колодца.

Высокая фигура сестры уже замерла, когда он перестал смотреть на конюшню и последовал за ней. Глаза Уны всегда видели больше, Ярвин к этому привык. Но неприятно, когда тебе часто напоминают о промахах.

Их с сестрой многое объединяло: упрямство, воля, сила. Только порой этого было недостаточно, чтобы Уна даже просто похвалила Ярвина. Они и внешне также походили друг на друга, но потом оказывалось, что это видимость. Хотя издали их, бывало, путали.

Уна всегда носила только толстые стеганные рубахи, жилеты и штаны, иногда куртки. А волосы заплетала в косу воина и сбривала все на висках. Вблизи, конечно, фигура выглядела более женственной, а черты лица

острыми, почти птичьими. Никакой мягкости. Чему Ярвин немного завидовал.

— Ты о ней что-то разузнала? — спросил он, как только нагнал сестру.

— Я просто слушала, — ответила Уна. — В отличие от твоих ушей, мои всегда открыты, так же как и глаза... Я слышала, что король Дайра отправил сюда принцессу за предательство. Ее должны были выдать замуж за одного важного человека и тем укрепить войска Дайры. Но она сбежала с рыцарем. Ее искали месяц, а когда нашли, она сказала, что стала женой мужчины, который ее похитил.

Ярвин пожал плечами. Он до сих пор не понимал, почему в Ресляндии женщины не могут сами выбирать себе мужчин. Но был уверен: Уна объяснит, сестра любила ему все растолковывать.

— Прежде чем принцессу нашли, она отправила сотни писем всем важным людям королевства. Написала им, что стала женой рыцаря. Как, по-твоему, хитрый поступок? По-моему, очень. Как они говорят, это почти убило Дайру. Девушка себя опозорила. Дайра с трудом успокоил и обманутого жениха, и своих людей... После его дочь отправилась к дракону. В народе говорят, добровольно. А я думаю, что отправил сам король.

— А что муж?

— Про него никто ничего не говорит. Но Дайра назвал их брак ненастоящим.

Ярвин опять тяжело вздохнул. Веселье, похоже, ему не светит.

Еще один вздох, полный горечи и понимания, что бой не окончен, он успел подавить. Но неожиданно в груди закололо, и воздух ушел из легких. Ярвин попытался вдохнуть, но только захрипел. Он и забыл, насколько его мысли связаны с призрачным зверьем.